

УДК 111.83

А. В. Гижя

(канд. филос. наук, доцент)

ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет»

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

19andrey06@mail.ru**ЧТО ЛЕЖИТ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИНФОРМАЦИИ?**

***Аннотация.** Анализируется феномен информации с позиций выяснения особенностей его содержательного ограничения. Информационная компонента в настоящее время получила чрезвычайное значение как онтологически базовая составляющая социальных отношений. Представляется, что такая универсализация понятия информации есть следствие идеологически-апологетических претензий, не имеет строгого философского обоснования и является, в конечном счете, составной частью распространившейся мифологии «конца истории». В общественном сознании распространяется парадигма мифотехноциентизма, искажающая понимание не только общественных отношений, но и самих науки и техники. Апелляция к информации и технологиям как основным регуляторам истории выражает мотивы сохранения архаизирующейся системы мирового капитала.*

***Ключевые слова:** информация, информативность, редукционизм, миф, мифотехноциентизм, капитализм, информационные технологии, экспертиза.*

Начиная с эпохи буржуазных революций, в Европе возникает и усиливается фактор осознанности социальных отношений, продумывания общественно значимых действий уже не в сугубо личном пространстве реализации исключительно собственных желаний, а в ракурсе масштабных и далеко идущих преобразований, имеющих общегосударственный смысл. Хотя, конечно, момент психологичности исторических деятелей никуда не исчез, он участвует в становлении субъективной формы общественных отношений. Другое дело, что эта частная форма получает своё естественное ограничение и более не может играть доминирующую роль в политике, делая её зависимой от прихотей, обид и настроений властных особ. Произошло своего рода взросление социума и из цивилизационной песочницы, переполненной эгоистичными детьми, он постепенно перебрался в трудовую мастерскую с весьма жёстким распорядком дня. Сразу отметим, что это взросление не всеобщее и окончательное, а проходящее промежуточную стадию исторического «подросткового» состояния. Тем не менее, «подростки» европейской цивилизации начинают историческое движение на самоуправлении, а роль взрослых в лице обобщённого Отца христианской религии нивелирована и отброшена всем ходом актуализации их мотивов, выраженных в *Liberté, Égalité, Fraternité*. Социально-регулирующая функция религии, начиная с эпохи Просвещения, маргинализируется, выхолащивается и уходит в ритуально-обрядовую плоскость бытовой повседневности.

В свою очередь, требование осознанности исторических действий влечёт необходимость их предварительного программирующего установления и обоснования в качестве идейно-духовной основы, чья функция состоит в мобилизации, организации и направлении усилий больших групп людей. Иными словами, возникают партии, программы, уставы, лозунги, политико-экономические учения, формируется саморефлексия общества, выраженная в появлении идеологии как всеоб-

щей формы общественного сознания. Последняя определяет становление информационной компоненты общественно-политических отношений. К настоящему времени она получает чрезвычайное значение уже не просто как некая информированность об объективном состоянии дел, как это мнилось в эйфории «протеста разума» в идиллический период Просвещения, но выступает в виде онтологически значимой, несущей конструктивной составляющей, формирующей картину действительности, всё более замещающую свой бытийный прототип.

Сразу отметим крайне характерную особенность появившейся указанной информационной социальной размерности: она выполнена в риторике и стилистике высоко гуманистических, нравственных ориентиров, имеющих фактически сакральный, религиоподобный характер. Это хорошо видно по приведённому лозунгу Французской революции, а также, например, по тексту американской Декларации, где характерным аспектом является упор на аксиоматичность исходных положений: «Мы исходим из той самоочевидной истины, ...» [1]. Текст Декларации независимости США чрезвычайно характерен и может служить идейно-смысловым маркером эпохи. С опорой на самоочевидную логику в нём обосновывается право народа на отделение и создание собственного государства. При этом постоянно идут ссылки на Творца, и в этом, в частности, выражается квазирелигиозный характер её обоснования. Таким образом, в документе сочетается как сила аксиоматически выводного знания, что подключает дух Просвещения и выглядит научно и современно, так и здоровый консерватизм с опорой на морально-религиозные основы повседневной жизни, понятные любому обывателю-пуританину той эпохи.

Несут ли лозунги Французской революции и текст Декларации некую конкретную информацию? Разумеется, да, в них есть определённая целостная содержательная замкнутость. Отвечают ли они объективному состоянию дел? Только отчасти. Упомянутая содержательность легко ускользает от своего продолжения в соответствующих действиях. Они являются семантически направляющими понятийными комплексами, выполняющими задачи по логическому обоснованию, этическому мотивированию и онтологическому оправданию социальных действий, ломающих сложившуюся систему политико-экономических отношений. Но у них исторически выявилась ещё одна функция, оказавшаяся определяющей. Она относится не исключительно к Декларации, а вообще есть имманентное свойство идеологически насыщенных текстов. Оно состоит в том, что их действительная нравственно-гуманистическая декларативность остаётся, как правило, именно исходным авторским посылом и быстро выхолащивается по мере реального развития политико-экономических отношений в ситуации растущего отчуждения человека. Вопрос заключается лишь в скорости смысловой нивелировки этих светских проповедей: в момент подписания, через несколько лет или спустя два-три поколения. Таким образом, отмеченное наличие в лозунгах Французской революции и той же Декларации конкретной информации не спасает положения, поскольку она оказывается заблокированной в своем развитии самими условиями социально-политического существования индивидов. Тем не менее, высказанное не исчезает, и блокировка внешними условиями не способна уничтожить их гуманистический потенциал.

Осознанность становления социального бытия, начиная с эпохи буржуазных революций, как мы отметили, несёт и усиливает фактор информированности членов общества. Поскольку же это обобщённое западно-атлантическое сообщество крайне неоднородно и расслоено по классовым признакам, имущественному цензу,

цвету кожи, образовательному статусу, возможности пользоваться социальными лифтами, и многими прочими разобщающими моментами, то информированность также имеет структурированный характер – вся транслируемая информация располагается в широком диапазоне от прямой лжи через её градации до более тонких вариантов, практически вплоть до истины. Последнее устанавливается для избранных, и об этом говорил Ницше, относя восприятие истины к возможностям только сильных духом натур.

Мы, в отличие от немецкого философа, понимаем на настоящий момент суть дела в иной плоскости. В глобализирующейся постмодернистской реальности современной мировой цивилизации развернута категория «сильных духом натур» ушла в тень, уступив место анонимно действующему мегасубъекту, имеющему совокупно-сетевую природу, подкреплённую финансовой силой транснациональных компаний и системы международных банков.

В XX в. произошёл переход от локального ницшеанского субъекта с сильной волей как реального, пространственно-временного индивида или соответствующей группы, к анонимному и непространственному действующему началу, которое также представлено смертными индивидами – мы не будем, конечно, мистифицировать и мифологизировать вопросы управления ключевыми событиями на планете. Однако они, эти новые масштабные и трансграничные управляющие структуры, организуются и действуют в иной социальной онтологии, где личности их участников не высвечиваются, принимая, в конечном счете, обезличенную форму едва ли не фатума.

Разумеется, в конкретике такого развернувшегося всепланетного контекста следует очень осторожно относиться к использованию для понимания нынешних реалий прежней, старой доброй системы классических понятий, где за мыслью следовало слово, а оно подразумевало соответствующее дело, и можно было проследить степень их последовательности, точно выявить и обозначить моменты нарушения истинности суждений. Формалистика прежних обозначений с их высоким гуманистически звучащим стилем осталась, но смыслы понятий не просто потеряны, они надежно заменены антисистемными симулякрами. Вдохновители и стратеги евроатлантической цивилизационной мегасистемы держат в памяти канонические значения, выражающие истинную онтологию человека в его единстве с мирозданием. Но это знание нужно исключительно для того, чтобы не дать возможность им каким-либо образом вновь зазвучать в культуре и сердцах людей, обратив их к подлинным смыслам творчества и нестяжания, братства и взаимопомощи, любви и милосердия так, чтобы эти идеи могли быть практически реализованы не только лишь отчасти и случайно в повседневных заботах и отношении, но нашли своё применение в политике дружбы народов, достойных международных отношениях и в установлении высоких целей земной цивилизации.

И вот в рамках доминирования предельно отчуждающей системы социальных отношений, в контексте установившегося беспредельного, как кажется, мирового господства финансовой плутократии и паразитарно-эксплуататорского образа жизни «золотого миллиарда», происходит знаково-символическое переобозначение маркеров духовного пространства современности, увиденное, поддержанное и развитое адептами постмодернизма в философском плане и разнесённое по информационной сети простыми переносчиками, в том числе и добросовестно заблуждающимися. Идеологически нагруженным термином в связи с этим переоформлением служит «информация», ставшая поистине мемом с универсально-редуцирующим и

этически обеспечивающим действием. Сугубо техническое, количественное определение информации давно мистифицировано и подано как обнаружение новой онтологической основы, наряду с материей, к которой как отдельная субстанциальная сущность, вдобавок, приписывается и энергия.

Перекося матрицы действия, того, что определяет практическую социально-историческую процессуальность, произошёл в сторону неправомерного акцентирования идеально-информационной компоненты человеческого бытия. В отличие от марксовской политэкономии, требовавшей конкретных изменений отношений в сфере общественного производства, имеющих юридически оформленный характер, ликвидации фигуры эксплуататора как реального субъекта, здесь вопросы и рассуждения о прогрессе и светлом будущем переходят в разряд утопических умствований относительно определяющего развития информационных технологий. Эти новые технологии должны-де повысить качество осведомлённости граждан, сделать их массово знающими, имеющими свободную волю и самостоятельный разум для выбора и отстаивания достойных целей и гармонизации социальных преобразований. Простая казуистика при этом заменяет понятие истинностного знания на характеристику роста потребления информации и представляет эту замену в виде вектора прогрессивного эволюционного варьирования суммы жизненных обстоятельств, при котором по умолчанию сохраняются базисные характеристики тотального властвования и господства. Более того, тотальность плутократического мирового господства становится окончательно паразитарной, без исключения цинично-беспощадной и, практически, непреодолимой.

Информационная картина мира, транслируемая СМИ, медиа- и блогосферой, весь поток структурированных новостных линий, запускаемые в обиход мемы, лозунги, слоганы, шаблоны и простые смыслы фиксируют особый феномен информационной цивилизации, в истории которой, вспомним, три с лишним века результативнейшего научного развития. Этот феномен заключается в формировании специфической мифологии техносциентистского толка, мифотехносциентизма, направления, сочетающего апелляцию к науке и технике с детской верой во всемогущество простых пожеланий. Данная апелляция касается не познания природы, что было бы уместно, а возлагает надежды на обнаружение чисто научного, технологического исхода из сложившейся катастрофической во многих отношениях ситуации в мире.

Одновременно, с разрушением системного образования, оживает сказочно-фантазийная компонента общественного сознания, поднимает голову механицизм – ведь умение мыслить сложно требует воспитания и больших личных усилий, предъявляет высокие требования к морально-эстетическим качествам индивида. Индивид при этом в развитой конкретности своего мышления становится ответственным не только лишь за собственное благосостояние, но видит общественную пользу, стремится к ней. Ответственный субъект исторического действия с уходом СССР нивелирован как общественный тип, соответственно без-ответственный субъект товарно-вещных отношений характерен безапелляционностью суждений, самым махровым невежеством и высокомерием, фантастической претенциозностью и мессианской озабоченностью собственного ролевого предназначения. Его онтологический порок и внутренняя испорченность делают невозможным диалоговое состояние ответа-на-вопрос, он именно без-ответственен и остаётся в монологически-пророческом, но слепом дискурсе вещания потока «новых истин». Это субъект мифоподобного или квазирелигиозного восприятия мира исторически ин-

фантилен, по-детски самоуверен и обидчив. Его амбициозность прямо пропорциональна степени его невежества в областях, где он берётся судить на обывательский манер, не предполагая сложности предмета суждения, не задумываясь над вопросами точной и содержательной формулировки и передачи мысли. Как правило, такая запутанная, без признаков просветления эпистемическая ситуация характерна независимо от образования, гуманитарное ли оно, естественнонаучно-математическое, или вообще какое-нибудь экономическое, если такой субъект не имеет глубокого интуитивно-внутреннего опыта со-причастного единства сущего с утвердившимся человеко-размерным, т.е. конкретно-гуманистическим видением мира.

Вот характерный, просто-таки типичный пример умственной активности такой личности. Некто А. Простов, к. полит. н., главред журнала «Социальная экспертиза», ведёт активную работу по концептуальным формулировкам интеллектуальных способов управления экономикой, которую он называет «креативной». Сразу отметим неэквивалентность творческого и креативного начал. Здесь видим всё ту же понятийную разбалансированность, когда под видом достойных референтов протаскиваются негодные симулякры – ровно то же было с различением знания и информации. Вот он работает по сложной теме, касающейся проектирования будущего и пишет небольшую работу под названием «Политическая кибернетика: принципы проектирования будущего» [2]. Небольшой объём требует отточенных формулировок и весьма продуманных тезисов. Пример авторских дефиниций: «*“Кибернетика”* – это управление синергетическими эффектами, полученными от синтеза сложных динамических систем, построенных на разных принципах и имеющих разную природу» [2, с. 6]. Мы узнаём, что принципы и природа систем разные, но больше о них не известно ничего. А центральное звено его предмета, политическая кибернетика – это «синтез общетеоретических научных знаний об управлении сложными системами и исторических результатов применения межпредметных знаний в виде естественнонаучных открытий, технологических изобретений, религиозных догматов, политических доктрин, экономических учений, социально-экономических проектов, общественно-политических легитимных практик и интеллектуальных инициатив» [2, с. 6]. Здесь смешались в одну кучу и религиозные догматы, и научные знания, и какие-то «инициативы», и вся эта мешанина непонятно чего представлена в виде «политической кибернетики». Однако кибернетика как наука управления не может быть скопищем всевозможных невразумительных и неотрефлексированных «синтезов» всего на свете, она обладает своим предметом познания, и он конкретен. Здесь же нам предлагают растечься мыслью по всему необъятному древу познания и провести алхимический опыт некоего трансцендентного «синтезирования» – понятно, что требовать от автора указания способов и принципов такой работы излишне.

Дальше из этого трактата мы узнаём, что «Современная глобализация - это процесс развития системы коммуникационных технологий» [2, с. 8]. Стало быть, нет никаких ТНК, международных банков, всепланетной экспансии американизма, вообще никаких проблем с всевластием финансовой олигархии, а есть нормальное технологическое развитие, именно в нём суть, по нашему «эксперту», мировых процессов глобализации. Столь же благостную картину наблюдаем и дальше, когда автор касается вопросов управления экономикой. Оказывается, что «мировая элита более не в состоянии всем этим эффективно управлять, так как является носителем старых знаний» [2, с. 8]. Но выход есть, и он элементарен: «...решить данную про-

блему управления развитием можно, только переучив мировую элиту мыслить в терминологии возможностей вместо привычной терминологии проблем» [2, с. 8].

Независимо от того, насколько сам Простов понимает абсурдность своих судьбоносных «рекомендаций», такие, как он, играют определённую роль в поддержании на плаву прогнившей и стремительно архаизирующейся мировой структуры корпоративного капитализма. Они своими многочисленными писаниями, не имеющими ни грана научности, создают обоснование существующего миропорядка. Действительно, в их мифических либеральных представлениях есть некая «мировая элита», чья функция состоит в разумном социальном управлении на общее благо и вот есть одна проблема – образование пресловутой элиты не поспевает за стремительными технологическими изменениями в обществе и её надо как-то переобучить, направить, видимо, на курсы повышения «элитной» квалификации. Столь детские представления есть прямая глупость интеллектуалов, мнящих себя знающими экспертами, которые могут, якобы, взять управление в свои руки.

Социально-политические, экономические и экзистенциально-цивилизационные механизмы процессов в обществе им неведомы в силу ли элементарного невежества, что неудивительно в эпоху деградации образования, или они закрывают на них глаза вследствие своей идеологической установки – всё это малоинтересно и несущественно. Искомый факт заключается в наличии самой идеологемы, концентрированно выраженной Простовым. Она состоит из двух аспектов: 1) «всё есть управление» и 2) разработать адекватную модель управления способны только «учёные-эксперты, обладающие особым методом наработки эксклюзивной информации» [2, с. 8].

Таким образом, хищническая сущность наличного глобального миропорядка заменяется нейтральным определением капитализма как «информационного», а доминирующая роль в его функционировании должна принадлежать неким высокооплачиваемым «независимым экспертам», обладающим монополией на абсолютную истину, владеющим таинственным и неизвестным научной общественности методом «наработки».

Какова степень элементарной логической корректности новоявленных гуру видно из «определения», где развивается исходный тезис об управлении: «Все есть управление системами посредством меры распределения в них энергии, где под энергией подразумевается единство вещества, энергии и информации» [2, с. 6]. Причём, этот «тезис» вытекает, по автору, из «закона сохранения энергии» [2, с. 6].

Не стоит даже начинать вдумываться в эти нелепицы, поскольку рационально-понятийное мышление подразумевает обязательную логическую дисциплину, а здесь сказано примерно следующее, если перейти на конкретный пример: человек есть люди, кони, звери. А энергия есть вещество, энергия, информация. Просто чудовищные измышления возникают на этапе постмодернистских псевдонаучных изысков иных «кандидатов политических наук».

Дело в контексте «информационного капитализма» видится *лишь* в недостатке правильной информации для «элит»: «одним из основных факторов усиления государства является обязанность науки и экспертного сообщества достоверно и своевременно информировать национальную элиту, которая принимает управленческие решения, о реальных процессах, проблемах и событиях, происходящих в стране и в мире, а также давать практические рекомендации решения этих проблем» [2, с. 9]. Экспертные гуру видят историю и общество как один завод с неизменными запущенными технологическими процессами, а сами они выступают в роли главного

инженера, докладывающего директору о ситуации. Кроме того, автор, можно сказать, ломится в открытую дверь – экспертное сообщество существует, работает и даёт советы. О качестве этих советов детально рассказал Николас Талеб в научно-популярном бестселлере «Чёрный лебедь» [3].

Таков сформировавшийся мифотехносциентизм с его крайним информационно-управленческим редукционизмом, предельно упрощённым пониманием общественных отношений и глубокомысленной, но псевдонаучной ориентацией на систему безличных означающих, т.е. на такой язык описания, базовыми терминами которого являются объективировано-абстрактные конструкторы. Особенность новой мифологизации заключается в несоответствующем применении объективированной терминологии. Она уместна лишь на соответствующем – элементарно-физическом уровне структуризации познаваемого объекта и совершенно неработоспособна в ситуации описания сложной формы движения, в данном случае – социально-исторической. Применение в этой области естественнонаучной понятийной терминологии напоминает попытку выяснения проблем животноводства через рассмотрение коровы как клеточно-молекулярной системы.

Мифология в третьем тысячелетии возникает в силу рассогласованности познавательных способностей индивида, его внутренней сущностной несобранности и интеллектуально-нравственной слепоты, оставляющей актуальной задачу Сократа по обнаружения границ своего незнания. Вновь удивительно современно звучит из далекого 1966 года резюме Пиамы Гайдено, что Кант отразил «в философской концепции тот реальный социальный факт, что познание и деятельность, теория и практика в буржуазном обществе являются двумя несовместимыми моментами» [4]. Указанная несовместимость, как бы она ни камуфлировалась апологетами либерального миропорядка, есть именно реальный факт, и он ставит крест на всех недобросовестных или прямо жульнических попытках протащить идеи информационно-экспертного прогрессорства с ареопагом осенённых высшим знанием новоявленных дипломированных жрецов политических манипуляций.

За пределами информации лежит действительное знание, выраженное в системной форме конкретизирующегося понятия. В свою очередь, достижение данной конкретности, имеющей процессуально-исторический характер, требует значительных внутренних усилий индивида по безличностному осмыслению собственного жизненного опыта самопознания. Вне выработанной метафизики мысли, освещающей любую ситуацию в единстве сопричастных смыслов с возможностью их содержательного роста, никакое знание не станет человеческим приобретением, но превратится в информационный склад, где большей частью пылятся невостребованные значения когда-то живых понятий, идей и суждений. Упор именно на информативность индивида превращает последнего в зрителя ненужных артефактов культуры, в исполнителя чужой воли, в окончательно зависимого, но мнящего себя свободным субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация независимости // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm>
2. Простов А. Ф. Политическая кибернетика: принципы проектирования будущего // Социальная экспертиза. - № 3. - 2010. – С. 6-30 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL http://polityber.ru/images/socexp/se-03_2010.pdf

3. Талёб Нассим Н. Чёрный лебедь: под знаком непредсказуемости / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <https://avidreaders.ru/book/chernyy-lebed.html>
4. Гайденко П. П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // В кн.: Современный экзистенциализм. – М. : Мысль, 1966. - С. 77-107 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL http://psylib.ukrweb.net/books/_gaidp01.htm#s5

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: 19andrey06@mail.ru

WHAT IS OUTSIDE THE INFORMATION?

Annotation. The phenomenon of information is analyzed from the standpoint of clarifying the features of its substantial limitations. The information component is now of extreme importance as an ontologically basic component of social relations. It seems that such a universalization of the concept of information is a consequence of ideological and apologetic claims, does not have a strict philosophical justification. The paradigm of mythotechnoscience is spreading in the social consciousness and it distorts the understanding of not only social relations, but also of science and technology. Appeal to the information and technologies as basic regulators of history expresses the motives of conservation of archaizing system of the world capital.

Key words: information, informational content, reductionism, myth, mythotechnoscience, capitalism, informational technologies, expertise.

Поступила в редакцию 7 декабря 2019 года